

У ДВЕРЕЙ РЕАКЦІЯ? РЕВОЛЮЦІЯ?

Въ политической и общекультурной жизни „лѣвый“ и „правый“ — понятія относительныя. Все зависитъ отъ исходной точки. Лѣвый идеаль всегда отталкивается отъ извѣстнаго идеологическаго status quo, которое по отношенію къ данной лѣвой идеологіи является идеологіей правой. Это изначальное идеологическое status quo можетъ продолжать жить и послѣ того, какъ лѣвый идеаль одержитъ побѣду и воплотится въ извѣстную форму соціально-политическаго быта: соотношеніе между правымъ и лѣвымъ отъ этого не мѣняется, и правое, перейдя изъ роли охранителя въ роль оппозиціи существующему строю, тѣмъ не менѣе остается правымъ, реакціоннымъ. Правое упирается, строго говоря, всегда на непосредственное прошлое, а на современность — лишь постольку, поскольку эта современность является непосредственнымъ продолженіемъ прошлаго. Оно враждебно новизнѣ, и не только въ томъ случаѣ, если эта новизна только предносится въ воображеніи „лѣвыхъ“, но и въ томъ случаѣ, если эта новизна уже воплотилась въ формахъ реальной жизни. Тѣ изъ нѣкогда лѣвыхъ идеаловъ, которые воплощаются въ жизнь, остаются лѣвыми только пока и поскольку они воспринимаются какъ нѣчто новое: только пока и поскольку такое

ощущеніе новизны существуетъ, защита этихъ идеаловъ есть дѣло лѣвыхъ, а борьба съ ними, какъ съ новизной, — дѣло правыхъ. Но можетъ наступить моментъ, когда ощущение новизны даннаго идеала настолько вывѣтрится и потускнѣетъ, что защитники его изъ лѣвыхъ превратятся въ консерваторовъ, а противники даннаго идеала будутъ нападать на него не какъ на новшество, а какъ на отжившее старье, которое надо замѣнить другимъ, болѣе новымъ идеаломъ. Поскольку этотъ новый идеаль не будетъ возвращеніемъ къ непосредственно предшествовавшему status quo, защитники его окажутся лѣвыми, а прежніе лѣвые — правыми, консерваторами.

До сихъ поръ въ европейской жизни наростаніе новыхъ идеаловъ, отодвигающее старые идеалы въ область отжившаго status quo, шло вобщемъ по одной прямой линіи. Термины „правый“ и лѣвый“ были поэтому въ каждый данный моментъ вполне удачны. Каждый новый идеаль былъ дѣйствительно „лѣвѣе“ непосредственно предъидущаго, такъ какъ шелъ дальше его въ томъ же направленіи, уклоняясь еще больше отъ изначальнаго status quo: такъ, въ области политики „демократизмъ — социализмъ — коммунизмъ“, „конституціонализмъ — парламентаризмъ — совѣтизмъ“, „конституціонная монархія — демократическая республика — с. ф. с. р.“ — все это тройки идеаловъ, расположенныхъ на прямой линіи справа на лѣво. Но можно представить себѣ такое прямолинейное движеніе, доведенное до своего предѣла, до тупика, изъ котораго уже „дальше некуда итти“. Въ этомъ случаѣ, новый идеаль, отталкивающийся отъ непосредственно предшествоващаго идеологическаго status quo, окажется не лѣвѣе его — ибо „лѣвѣе быть невозможно“, — а просто гдѣ то внѣ той прямой линіи, на которой до сихъ поръ помѣщались правые и лѣвые идеалы. Все это примѣнимо не только къ социально-политическимъ ученіямъ, но и къ ученіямъ, опредѣляющимъ національныя отношенія, религіозныя убѣжденія и т. д...

Всматриваясь въ современную политическую, соціальную и общекультурную жизнь съ одной стороны Европы, съ другой — Россіи, невольно приходишь къ заключенію, что тѣ „лѣвыя“ идеологіи, которыми до сихъ поръ опредѣлялась эта жизнь, не только утратили свою свѣжесть, но прямо вывѣтрились, обветшали, покрылись какимъ то налетомъ косности и охранительнаго мракобѣсія. Это наблюдается не только въ странахъ, уже давно осуществившихъ „лѣвые“ политическіе идеалы и всегда считавшихся „передовыми“, но и въ молодыхъ республикахъ, перешедшихъ къ „передовому“ строю совсѣмъ недавно. Законы „объ охранѣ республики“ и постоянныя опасенія „контръ-революціи“ — характерныя явленія современности, свидѣтельствующія о томъ, насколько нѣкогда лѣвыя идеологіи теперь утратили свою юношескую свѣжесть, придававшую имъ силу. Въ современной лѣвизнѣ есть какая то косность, какая то боязнь новизны, — черты, характерныя для идеологій консервативныхъ и реакціонныхъ. Лѣвизна отдаетъ казенщиной, а главное — стариной. Человѣкъ, искренне вѣрящій лѣвыми идеологіямъ, обычно либо уже старъ, либо по всему своему духовному облику принадлежитъ къ прошлому поколѣнію. Въ устахъ подлинно-современнаго человѣка лѣвыя рѣчи звучатъ, какъ нѣкоторая казенная, „высочайшеутвержденная“ ложь, въ которую самъ говорящій не вѣритъ.

Обветшаніе нѣкогда лѣвыхъ идеологій должно было бы привести къ возникновенію новыхъ, еще болѣе лѣвыхъ. Однако, тѣ крайнія лѣвыя идеи, до которыхъ люди додумались и которыя отчасти воплощены напр. въ Россіи, представляются уже именно тѣмъ предѣломъ лѣвизны, дальше котораго въ томъ-же направленіи итти некуда: вѣдь и такъ уже въ нихъ чувствуется какое то доведеніе до абсурда, приближеніе къ той точкѣ, гдѣ плюсь - безконечность переходитъ въ минусъ - безконечность. Неудивительно поэтому, что, ища выхода изъ непроходимаго тупика, современный человѣкъ обращаетъ свои взоры

скорѣе направо, чѣмъ налѣво. Мы живемъ въ такое странное время, когда „дѣти“ либо совсѣмъ безпринципны, либо правѣе „отцовъ“.

Однако, простое поправѣніе никакъ не можетъ стать выходомъ изъ современнаго положенія. Не говоря уже о томъ, что исторія не знаетъ движенія назадъ въ чистомъ видѣ, нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что то прежнее идеологическое status quo, отъ котораго отталкивались нѣкогда — лѣвыя, нынѣ — омракобѣсившіяся идеологіи, дѣйствительно прочно изжито и утратило всякую жезнеспособность. Если теперъ люди извѣрились въ тѣхъ „лѣвыхъ“ идеалахъ, которые прежде казались столь заманчивыми, если отъ теоретическаго обоснованія этихъ идеаловъ теперъ вѣетъ затхлою казенщиной, избитымъ фразерствомъ и пошlostью, — то въ еще большей мѣрѣ все это относится къ тѣмъ „правымъ“ идеологіямъ, къ которымъ обращаютъ свои взоры пришедшіе въ отчаяніе и извѣрившіеся въ лѣвизнѣ современные люди. Самый тотъ фактъ, что въ свое время — при томъ во время очень недавнее, когда общекультурная обстановка принципиально мало отличалась отъ теперешней, — правыя идеологіи не сдумѣли защитить себя, не сдумѣли удовлетворить современниковъ и помѣшать имъ двинуться влѣво, свидѣтельствуетъ о нежизнеспособности этихъ правыхъ идеологій. Нелѣпо ссылаться на слѣпоту „передового общества“, несдумѣвшаго или незахотѣвшаго оцѣнить спасительной сущности правыхъ идеологій: если бы эти правыя идеологіи дѣйствительно были сильны и жизнеспособны, стихійное отверженіе ихъ было бы невысказано. Идеализировать недавнее прошлое могутъ только люди съ слишкомъ короткой памятью, и такъ какъ человѣческая память въ среднемъ не такъ коротка, то обманчивость этой идеализаціи очень быстро обнаруживается. Фактъ остается фактомъ: когда правыя идеологіи управляли жизнью, многимъ жилось лучше, чѣмъ теперъ, но все же большинство было неудовлетворено не только

жизнью, но — что въ данномъ случаѣ еще важнѣе, — самими этими идеологіями, и въ исканіи новыхъ, болѣе удовлетворительныхъ идеологій большинство двинулось влѣво. Теперь и въ этихъ лѣвыхъ идеологіяхъ всѣ извѣрились и многимъ живется еще хуже чѣмъ раньше. Изъ этого слѣдуетъ, что путь, по которому двинулось большинство, былъ избранъ невѣрно, но отнюдь не слѣдуетъ, чтобы надо было вернуться къ тому завѣдомо-неудовлетворительному положенію, неудовлетворительность котораго въ свое время и вызвала стремленіе къ перемѣнѣ идеологій и формъ жизни. Возвращеніе къ завѣдомо неудовлетворительному „правому“ идеологическому status quo мыслимо лишь какъ попытка „переиграть“, т. е., извѣдавъ уже неправильность „лѣваго“ пути, вернуться къ отпавшему другому направленію. Но, въ такомъ случаѣ, правая идеологія оказывается не „идеаломъ“ въ подлинномъ смыслѣ слова, — а между тѣмъ, чтобы вывести людей изъ тупика, въ который они попали, нуженъ именно идеаль, а не голое признаніе того, что они забрели въ тупикъ.

Стихийное „поправѣніе“, инстинктивное стремленіе современнаго человѣка вернуться назадъ „къ доброму старому времени“ есть лишь признакъ отчаянія. Въ этомъ умонастроеніи самую видную роль играетъ соединеніе остраго ощущенія неудовлетворительности современнаго положенія съ преувеличенно идеализированными по контрасту воспоминаніями недавняго прошлаго; подлинной идеологіи, продуманной и осознанной въ немъ нѣтъ. Идеологическая бѣдность современнаго праваго движенія поражаетъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Мало того, теоретическія понятія, лежащія въ основѣ нѣкоторыхъ проявленій этого праваго движенія находятся въ полномъ противорѣчьи съ самымъ духомъ всякой подлинной правой идеологіи. „Правые“ такъ долго терлись о лѣвыя идеологіи и о лѣвое міровозрѣніе, что сами словно заразились тѣмъ умонастроеніемъ,

которое лежитъ въ основѣ всѣхъ лѣвыхъ идеологій. Это приходится наблюдать на каждомъ шагѣ. Русскіе эмигранты-монархисты исполнены такой же вѣры въ магическую спасительность юридическихъ формулъ, какою всегда отличались всѣ лѣвые идеологи: разница только въ томъ, что лѣвые вѣрили въ немедленное водвореніе всеобщаго счастья при помощи демократической республики, всеобщаго избирательнаго права и т. д., а правые такое же немедленное и автоматическое водвореніе всеобщаго благополучія ждутъ отъ возстановленія монархіи. А т. к. монархія представляется правымъ именно какъ извѣстный комплексъ юридическихъ нормъ, имѣющихъ сами по себѣ магическую спасительную силу, независимо отъ времени, мѣста и живыхъ личностей, то естественно, что монархизмъ превращается въ легитимизмъ. И въ этомъ то и проявляется идейная противорѣчивость всего подхода къ проблемѣ. Взглядъ на главу государства какъ на сумму извѣстныхъ юридическихъ правъ на престолонаслѣдіе превращаетъ монарха изъ живой личности, концентрирующей въ себѣ національную волю, въ какой то алгебраическій знакъ. Такой взглядъ былъ бы естествененъ въ умѣ республиканца, или послѣдовательнаго „народоуправца“-парламентариста, для котораго глава государства не болѣе какъ подписывательная машина, случайно имѣющая человѣческій образъ, но съ подлиннымъ монархическимъ духомъ соединить такую механизацию монархіи трудно. Въ томъ механическомъ юридиксизмѣ, который проникаетъ мышленіе руководителей современнаго праваго движенія, какъ нельзя болѣе сказывается идеологическая беспомощность, идейное безсиліе реакціи, какъ чистаго движенія н а з а д ъ: въ идейномъ багажѣ руководителей этого движенія ничего кромѣ преувеличенно идеализированнаго воспоминанія о недавно пережитомъ „добромъ старомъ времени“ не заключается. Естественно поэтому, что руководителями движенія являются главнымъ образомъ тѣ, кому особенно легко идеализировать не-

давнее прошлое, т. е. тѣ, кто прежде жили особенно хорошо и теперь особенно много потеряли; а при такихъ условіяхъ, весьма естественно также и то, что тѣ, кто къ идеализаціи недавняго прошлаго мало склонны (по остротѣ ли памяти или потому, что въ прошломъ ничего особенно хорошаго не испытали), сторонятся отъ праваго движенія, воспринимая его какъ движеніе чисто „шкурное“.

И все же, несмотря на идейную безсодержательность и бесплодность тѣхъ формъ, въ которыя выливается правое движеніе у его руководителей, въ самомъ фактѣ поправѣнія молодыхъ поколѣній, мало задумывающихся надъ теоретическимъ обоснованіемъ своего умонастроенія, есть что то здоровое и подлинное. Это стихійное поправѣніе таитъ въ себѣ безсознательное, инстинктивное предчувствіе истинно новой идеологіи, которая одна способна вывести изъ лѣваго тупика. Тѣ отнюдь не-новыя реакціонныя идеологіи и формулы, которыя при этомъ фактически высказываются, являются лишь суррогатомъ невысказанной и неосознанной грядущей подлинно-новой идеологіи. Происходитъ это по инерціи, по неспособности отвлечься отъ привычной плоскости политическаго мышленія, въ которомъ правизна и реакція противопоставляются лѣвизнѣ и „прогрессивности“. Инстинктъ подсказываетъ, что безсознательно искомая идеологія лежитъ гдѣ-то очень далеко отъ крайне-лѣваго конца цѣпи возможныхъ соціально-политическихъ и соціально-этическихъ идеологій; а т. к. въ готовомъ видѣ существуетъ только эта цѣпь идеологій, то взоры невольно обращаются къ ея правому, даже крайне-правому концу. Но это — ошибка, вызванная исключительно привычностью той цѣпи или прямой линіи, на которой до сихъ поръ располагались справа на лѣво всѣ высказываемыя идеологіи и формулы, долженствующія нормировать соціально-политическую жизнь, культуру и бытъ. По существу стихійное поправѣніе молодежи есть плодъ инстинктивнаго, подсознатель-

наго стремленія къ новому, а не къ старому, и люди стараго закала, живущіе лишь воспоминаніями недавняго прошлаго, органически неспособны понять это движеніе и руководить имъ. Новая идеологія, та, которой принадлежит будущее, лежитъ не на этой привычной прямой линіи. Можетъ быть, если проэцировать ее на эту линію, точка проэкции и окажется гдѣ то въ правыхъ частяхъ линіи, — чѣмъ объясняется оптической обманъ тѣхъ, которые привыкли смотрѣть только на эту привычную линію. Но суть новой идеологіи, то, что дѣлаетъ ее подлинно новой, жизнеспособной и движущей, заключается не въ томъ, что проэція ея правѣе крайне лѣвой точки изжитой идеологической цѣпи, а въ томъ, что сама эта идеологія лежитъ въ другомъ планѣ. Именно поэтому она не реакціонна, не знаменуетъ возвращенія вспять къ недавнему прошлому, а зоветъ къ рѣзкому повороту, къ прыжку въ другой, совершенно новый планъ. Фраза, что полнаго возврата къ недавнему прошлому быть не можетъ, сдѣлалась ходячей. Ее повторяютъ люди всѣхъ направленій, какъ лѣвые, такъ и правые. Но въ устахъ этихъ людей, привыкшихъ мыслить только въ ограниченныхъ предѣлахъ старой, нынѣ пройденной до конца и безнадежно изжитой идеологической цѣпи, фраза эта приобрѣтаетъ щемяще-банальное содержаніе: желательное будущее представляется имъ какъ какой-то компромиссъ между разными старыми идеологіями, какъ новая комбинація изъ элементовъ разныхъ старыхъ „программъ“ и направленій, — и нечего и говорить, что эта комбинація лежитъ въ предѣлахъ все той же изжитой идеологической линіи. Совершенно другое значеніе получаетъ убѣжденіе въ немыслимости возврата къ недавнему прошлому у тѣхъ, кто отвергаетъ всю изжитую идеологическую линію въ ея цѣломъ: только при этомъ условіи будущее рисуется какъ подлинно новый укладъ жизни. И ясно, что только идя такимъ путемъ можно надѣяться найти выходъ изъ тупика современности. Все старое изжито, извѣдано и

безнадежно скомпрометировано. Нужно подлинно новое, не новая комбинація изъ старыхъ элементовъ, а введеніе элементовъ существенно-новыхъ.

Абсолютно новаго въ исторіи никогда не бываетъ. Историческое развитіе немислимо безъ исторической памяти, и именно въ этой памяти черпаются и образцы и вдохновенія для всякаго новаго творчества. Но выходъ изъ пройденной до конца линіи старыхъ „правыхъ“ и „лѣвыхъ“ идеологій вовсе и не знаменуетъ собой отказа отъ исторической памяти. Какъ разъ наоборотъ, именно тѣ, кто до сихъ поръ топчется въ предѣлахъ все тѣхъ же старыхъ идеологій, заслуживаетъ упрека въ недостаткѣ памяти: воспоминанія ихъ не идутъ раньше начала названной идеологической линіи, у насъ въ Россіи — не дальше XVIII-го вѣка. Во всякомъ радикальномъ новаторствѣ, во всякой переворотной („революціонной“ въ подлинномъ смыслѣ) идеологій есть всегда примыканіе къ очень старому историческому воспоминанію. Существенно то, что воспоминаніе это является именно очень старымъ, что оно относится ко временамъ давно минувшимъ, а не къ тому сравнительно недавнему прошлому, къ которому обращаются идеологій консервативныя, „реакціонныя“ въ подлинномъ смыслѣ — т. е. тянущія назадъ. Французская революція, этотъ классическій образецъ переворота, вся была проникнута живымъ воспоминаніемъ о римской республикѣ. Новаторство не въ отказѣ отъ прошлаго, а въ отталкиваніи отъ непосредственнаго, недавняго прошлаго, въ перескакиваніи черезъ него и въ идеологическомъ примыканіи къ эпохамъ болѣе отдаленнымъ. Эти очень древніе элементы, почерпнутые изъ глубинъ исторической памяти, оказываются новыми и революціонными именно благодаря пересадкѣ въ новый контекстъ. Здѣсь не можетъ быть простой реставраціи, простого воспроизведенія отдаленнаго прошлаго, именно потому, что это прошлое слишкомъ старо. Элементы отдаленнаго прошлаго, вырванные изъ исторической перспективы и пере-

саженные въ новый для нихъ контекстъ современности, начинаютъ жить совершенно новой жизнью и становятся способны вдохновлять къ подлинно-новому творчеству. Слѣдуетъ отличать старое отъ древняго. Смотри на банальную сентиментальную иконопись прошлаго столѣтія, современный художникъ воспринимаетъ ее какъ ветошь, какъ „überwundener Standpunkt“, но взглянувъ на древнерусскую икону, онъ можетъ загорѣться огнемъ подлиннаго вдохновенія и создать нѣчто подлинно новое, при чемъ это новое отнюдь не должно быть обязательно реставраціей или даже стилизаціей. Рисовать совершенно такъ же какъ древнерусскій мастеръ современный художникъ (настоящій художникъ, не копіистъ-реставраторъ) никогда не будетъ: и не столько потому, что онъ — человѣкъ другой культуры, но уже по одному тому, что смотря на древнерусскую иконопись, восторгаясь и вдохновляясь ею, онъ въ то же время отталкивается отъ живописи XIX-го вѣка, что у древнерусскаго мастера быть не могло, и что ведетъ къ совершенно иному, существенно новому воспріятію и переживанію древнерусской иконописи. Сходные психологическіе процессы возможны и въ другихъ областяхъ творчества, и въ области идеологій. Новая идеологія, отталкиваясь отъ длиннаго ряда непосредственно предшествовавшихъ идеологій, можетъ почерпнуть вдохновеніе въ далекихъ глубинахъ исторической памяти и остаться тѣмъ не менѣе существенно-новой, ибо элементы древности предстанутъ въ ней въ совершенно новомъ (пусть исторически-невѣрномъ, но цѣнномъ съ точки зрѣнія современности) аспектѣ. „Революція“ (въ смыслѣ переворота въ міросозерцаніи) отталкивается отъ непосредственнаго прошлаго, она не можетъ быть „реставраціей“, но не только можетъ, а зачастую и стремится быть „возрожденіемъ“ глубокой древности.

Итакъ, тѣ идеалы, которые способны вывести насъ изъ современнаго тупика, лежатъ внѣ той плоскости, на

которой располагались до сихъ поръ „правыя“ и „лѣвыя“ идеи. Ощущеніе того, что эти идеалы находятся гдѣ то правѣе извѣстныхъ намъ лѣвыхъ идей, основано на оптическомъ обманѣ, на привычкѣ все проецировать на одну прямую линію. Инстинктивное стремленіе двинуться назадъ — плодъ недоразумѣнія: въ недавнемъ прошломъ спасенія нѣтъ, черезъ него можно лишь перескочить съ тѣмъ, чтобы почерпнуть въ отдаленномъ прошломъ вдохновеніе для созданія подлинно-новаго. Нужна не реакція, а революція въ подлинномъ смыслѣ, т. е. переворотъ въ сознаніи.

Европейская идеологическая дорога, прямая линія справа налѣво, пройдена до конца: не только вся она приводитъ въ тупикъ, но и нѣтъ на ней ни одной точки, на которой можно было бы остановиться. Ее надо бросить всю, цѣликомъ, окончательно, — и искать новой. Мы, русскіе, должны прежде всего отказаться отъ европейскихъ формъ политическаго мышленія, перестать поклоняться идолу (къ тому же чужому) „формы правленія“; перестать вѣрить въ возможность идеальнаго законодательства, механически и автоматически гарантирующаго всеобщее благополучіе, словомъ, должны оставить взглядъ на человѣческое общество, какъ на бездушный механизмъ, — взглядъ, на которомъ основаны всѣ современные соціально-политическія идеологіи. Не въ совершенномъ законодательствѣ, а въ духѣ, создающемъ и укрѣпляющемъ государство черезъ бытъ и устойчивую идеологію, слѣдуетъ искать грядущій идеаль. Задача современности — не въ юридической спекуляціи, а въ созданіи устойчивой духовной базы и въ бытовомъ ея воплощеніи.

Жажда новаго, спасительнаго идеала томительна и напряженна. Довольствоваться суррогатомъ въ видѣ изжитыхъ формулъ реакціи — невозможно и вредно. Надо ясно сознать, что это — не то, и сосредоточенно напрець слухъ, всѣмъ существомъ настроиться, чтобы разслышать новое слово. Это слово должно быть ска-

зано и будетъ сказано. Коллективное предчувствіе не обманываетъ, а коллективное напряженіе съ Божьей помощью способно творить чудеса.

Мы стоимъ у дверей. Толците и отверзется вамъ.

Кн. Н. С. Трубецкой